

Чжан Вэйдун рывком оттолкнул мужчину, резко вскочил на ноги и, широко шагая, бросился к еще трепыхавшейся рыбе. С остервенением он наступил на неё пару раз, и от его свирепого вида, казалось, даже глаза у рыбы вылезли из орбит — всё равно ведь сдохнет, так лучше прикончить её одним махом!

Сяо Цзюньгу тоже не был из тех, кого можно так просто игнорировать. Он схватил Чжан Вэйдуна, волоком затащил его в салон автомобиля, с грохотом захлопнул дверь и принялся расстегивать его брюки. Не теряя времени, он в два счета расправился с ремнем и, с силой дергая одежду, вознамерился сорвать с него еще и белье.

Чжан Вэйдун побагровел от ярости, зарычал и принялся отчаянно брыкаться — сейчас же середь бела дня, вокруг озера бродят люди, а этот Сяо Цзюньгу, набравшись наглости, вздумал устраивать утехи в машине! Ему-то плевать на приличия, а у него самого еще оставалась капля стыда!

В тесном салоне было не развернуться, и оба, сцепившись, покатались по сиденьям в яростной схватке. Поняв, что так просто не вырваться, Чжан Вэйдун в отчаянии впился зубами в ухо Сяо Цзюньгу, почувствовав привкус крови.

Сяо Цзюньгу, не ожидавший такого поворота, вскрикнул от боли и машинально ударил его кулаком в грудь!

Удар вышел сильным, тыльная сторона ладони даже заныла, и он тут же пожалел о содеянном. Перестав удерживать Чжан Вэйдуна, он позвал:

— Дунцзы...

У Чжан Вэйдуна потемнело в глазах. Он схватился за грудь, закашлялся и свернулся калачиком, лишь спустя долгое время приходя в себя от боли.

В конечном итоге Сяо Цзюньгу так ничего и не добился. Опустившись на колени перед задним сиденьем, он крепко обнял Чжан Вэйдуна, терся лицом о его покрытый испариной лоб и, поглаживая его грудь, то ли в ярости, то ли с глубокой печалью ворчал:

— Кто тебя просил меня злить? Кто просил? Больно еще? Сам виноват!

Глава 22: Убийца (часть вторая)

Казалось, удача начала улыбаться Чжан Вэйдуну.

После недавних съемок в клипе вместе с Чжао Юй его популярность выросла, и теперь, снова благодаря ей, его пригласили на популярное ток-шоу, которое вел известный ведущий с центрального телевидения.

Чжан Вэйдун сидел в студии, Чжао Юй расположилась справа от него, а прямо напротив — ведущий, так что они образовали треугольник.

Запись началась. Ведущий поприветствовал зрителей, представил гостей и перешел к делу.

— Летние каникулы подходят к концу. Расскажите, какие у вас планы на вторую половину года и есть ли новые работы, которыми вы готовы порадовать публику?

Чжао Юй, одетая в простой и элегантный наряд, с заплетенной в черную косу прической, выглядела очень дружелюбной. Она улыбнулась:

— Вторая половина года будет для меня довольно насыщенной. Поскольку прошлый фильм получил хороший отклик, компания решила снять сиквел. Кроме того, я подписалась на новогоднюю картину, создаваемую усилиями трех регионов. Думаю, времени на встречи с поклонниками будет совсем мало, но надеюсь, что вы меня не забудете.

— Разве это возможно? Вы ведь наша богиня, — ведущая улыбнулась и перевела взгляд на Чжан Вэйдуна.

В отличие от красноречивой Чжао Юй, ответ Чжан Вэйдуна был до того кратким, что в студии повисла неловкая пауза.

— Не знаю, как компания решит, — буркнул он.

Ведущий поспешил спасти положение:

— Говорят, вы сейчас снимаетесь в масштабной исторической драме. Кого вы там играете?

Чжан Вэйдун, сдерживая раздражение, ответил:

— Роль для галочки, в пятой серии мой персонаж умирает.

Ведущий лишь усмехнулся, подавившись ответом. Поскольку Чжан Вэйдун вел себя совершенно не по правилам, ведущий ограничился парой дежурных похвал и далее обращался только к Чжао Юй, оставив парня без внимания.

Чжан Вэйдун сидел рядом, словно предмет мебели, но в душе чувствовал облегчение. Работа, которую ему подсовывала компания, была скучной и пустой, обсуждать ее не хотелось. Он и сам не был мастером красноречия — лишнее слово может навредить, так что лучше промолчать.

Пока Чжао Юй оживленно беседовала с ведущим, Чжан Вэйдун, не зная, куда деть руки, принялся оглядываться по сторонам. И вдруг в первом ряду зрительного зала он заметил знакомое лицо.

Это был мужчина лет сорока, лысоватый, сидевший с таким невозмутимым видом, будто он

здесь хозяин. Чжан Вэйдун заметил у него на груди пропуск сотрудника телеканала. Он нахмурился, пытаясь вспомнить, где его видел, и вдруг его осенило.

Он вспомнил: ведь он уже бывал в этой студии.

Тогда он еще не был в шоу-бизнесе. Он записался на вокальный конкурс, прошел отборочные туры, полуфинал и попал в двадчатку лучших. Поскольку порог входа был низким, уровень участников был разным, и Чжан Вэйдун был уверен, что при должном старании сможет занять неплохое место.

Он участвовал в конкурсе, получил хорошие оценки, подписал контракт, официально дебютировал, выпустил пластинку... Все это должно было идти своим чередом, но события развивались по нелепому сценарию.

Накануне полуфинала организаторы велели участникам подготовить тексты для выступлений. Содержание было произвольным, но с двумя условиями: во-первых, правдивость, во-вторых, трогательность.

На собрании организаторы прямо намекнули: рассказывайте о тяжелых жизненных испытаниях, о нищете — чем больше слез прольют зрители, тем лучше.

Чжан Вэйдун подошел к организатору — тому самому мужчине, что сейчас сидел в зале, — и спросил:

— А нельзя просто петь?

Тот ответил категорично:

— Нет. В программе должна быть тема, должна быть изюминка.

Чжан Вэйдун настаивал:

— Мне нечего рассказывать, я умею только петь.

Мужчина пытался его вразумить:

— Ну скажи хоть что-нибудь! Расскажи, как благодарен родителям, или о любви к семье. Это что, так трудно? У каждого человека есть своя история.

Тогда он твердо отказался. Кроме пения, он не хотел делиться личным. В итоге мужчина разозлился, ударил по столу и закричал:

— Это формат шоу! Другие участники не жалуются, почему ты строишь из себя особенного?

Чжан Вэйдун тоже вышел из себя и решил покинуть конкурс.

Он пришел туда с серьезными намерениями, а не ради того, чтобы вызывать жалость. Тогда он думал, что просто ушел из пошлого шоу, ведь с его талантом в будущем будет масса возможностей.

Но жизнь непредсказуема. Вскоре дядя покончил с собой, он погряз в долгах и проблемах, боясь за жизнь тети, и ему было уже не до карьеры. Прошло три-четыре года. Помнит ли его тот человек в зале?

Чжан Вэйдун невольно задумался: изменил бы он свое решение, если бы мог вернуться назад?

Поразмыслив пару минут, он пришел к однозначному выводу: нет.

Он не мог стоять на сцене и вместо пения заниматься показухой — сбрасывать маску достоинства, как нищий, выворачивать наружу свои шрамы и намекать зрителям: посмотрите, какой я несчастный, жалейте меня, плачьте обо мне!

А потом рассказывать, что вырос в несчастливой семье, что дядя был игроманом, а тетя — продажной женщиной. Зрители наверняка бы ахнули, глядя в экраны: какой бедняга, проголосую-ка я за него.

В чем смысл такого конкурса? Соревнуются не таланты, а степень несчастья. Раньше он этого не понимал, но теперь осознал: правила игры таковы, что сначала это шоу, а уже потом — соревнование.

При этой мысли Чжан Вэйдун погладил подбородок и издал неуместный, горький смешок.

Смех прозвучал так странно, что Чжао Юй и ведущий замолчали и уставились на него.

Чжан Вэйдун не стал ничего объяснять. Он откинулся на спинку дивана и развел руками:

— Продолжайте.

Когда запись закончилась, Чжао Юй попрощалась со зрителями, а затем наклонилась к Чжан Вэйдуну и прошептала так, чтобы слышал только он:

— Ты безнадежен.

Чжан Вэйдун снова усмехнулся и безразлично ответил:

— Благодарю за комплимент.

Чжао Юй осеклась, покачала головой, и в ее взгляде на Чжан Вэйдуна отчетливо проступило презрение.

Обычно люди, желающие поностальгировать, посещают старые места. Но Гуанчжоу

развивался так стремительно, что спустя десять лет найти знакомые пейзажи стало непросто.

Старинный ресторан Жунхуалоу открылся после реконструкции, интерьер обновили. Раньше здесь завтракали старики и тетушки, которые после утренней гимнастики заказывали корзинки с димсамами и обсуждали сплетни. Теперь же ресторан перешел на элитный уровень — красиво, конечно, но той душевности старого Гуанчжоу уже не было.

Даху наполнил чашки себе и Чжан Вэйдуну, покачав головой:

— Даже сцену для оперы убрали. Раньше здесь можно было послушать эрху, а теперь — сиди и смотри в пустоту.

Чжан Вэйдун из-за проблем с деньгами бывал здесь всего пару раз, поэтому особых чувств не питал. Он улыбнулся:

— В этом мире что-то остается неизменным?

— Верно, — Даху посмотрел на часы. — Почему Маодоу до сих пор нет? Ах да, важная персона, дел не впрокорот.

Чжан Вэйдун протянул ему меню:

— Давай закажем, поедим и подождем.

— Это не очень удобно, верно?

— Ничего страшного, это же просто встреча старых одноклассников. Не стоит так церемониться.

Даху открыл меню, но взгляд его блуждал, и он с намеком произнес:

— А ты с ним совсем не церемонишься.

Чжан Вэйдун не уловил сарказма, достал из кармана пачку сигарет и бросил одну Даху.

Только когда закуски были поданы, а чай сменили на свежий, Сяо Цзюньгу наконец появился.

Он был в безупречном костюме, с темно-синим галстуком, выглядел настолько опрятно, что хоть сейчас на вручение наград.

Даху отложил палочки и пригласил его сесть, подшучивая:

— Ого, ты что, молодеть начал?

— Простите, пробки, — Сяо Цзюньгу спокойно сел, снял галстук, пиджак и закатал рукава рубашки. — Смотрю, ты весь зарос бородой. Завидуешь моей гладкой коже — так и скажи. В следующий раз подарю тебе крем, чтобы ты стал таким же розовощеким и всеми любимым.

Даху не выдержал и хлопнул по столу:

— Ха-ха-ха! Язык у тебя прежний, кусаешь без мата. Дунцзы, правда ведь?

Чжан Вэйдун ответил коротким мычанием, поднял чашку, но на Сяо Цзюньгу так и не посмотрел.

Сяо Цзюньгу заказал бутылку напитка, и они принялись за еду. Вскоре Даху заметил, что Чжан Вэйдун стал каким-то не таким: молчаливым, с отсутствующим выражением лица. На его вопросы он отвечал, но стоило заговорить Сяо Цзюньгу, как он тут же замолкал.

В этот момент зазвонил телефон Чжан Вэйдуна. Посмотрев на экран, он увидел, что звонит Чжоу Ли.

Закончив разговор, Чжан Вэйдун повернулся к Даху:

— На работе изменения, мне нужно вернуться в компанию.

Даху отложил палочки:

— Черт, ну ты и подстава.

Чжан Вэйдун вздохнул:

— В этом бизнесе я себе не принадлежу. Я пойду, вы тут сами как-нибудь.

Он встал и ушел, не оглядываясь. Сяо Цзюньгу, подперев подбородок, бросил вслед:

— Будь осторожен на дороге.

Чжан Вэйдун сделал вид, что не расслышал, и быстро удалился.

Когда его фигура исчезла из виду, Сяо Цзюньгу повернулся к Даху, и его взгляд мгновенно похолодел.

Даху откинулся на спинку стула, закинул ногу на ногу и, встретив холодный взгляд Сяо Цзюньгу, тоже изменился в лице.

Они молча смотрели друг на друга, пока Сяо Цзюньгу не заговорил:

— Мне не нравится, что ты крутишься возле Дунцзы. Говори, сколько тебе нужно, чтобы ты оставил его в покое?

Даху повертел в руках фарфоровую чашку:

— Послушай, ты совсем не изменился. Все, кто приближается к Дунцзы, в твоих глазах — ничтожества. Смешно, честное слово. Кто ты ему такой, чтобы так командовать?

— Ты действительно ничтожество. Ради старого знакомства я могу откупиться деньгами, но в последний раз.

— Ого, какой тон! Думаешь, раз есть деньги — ты король?

— Я ничего не думаю, но ты ведь приближаешься к Дунцзы только ради денег.

Сяо Цзюньгу достал из кармана пиджака ручку и чековую книжку, вывел сумму, размашисто расписался и протянул чек:

— Если ты действительно так ценишь нашу дружбу, можешь не брать. Но предупреждаю: мои деньги достаются тяжело. Те триста тысяч, что ты присвоил в прошлый раз, — не думай, что я не в курсе.

Даху взял чек, взглянул на него и застыл. Там была шестизначная сумма — целый миллион. Таких денег он в жизни не видел.

— Сяо Цзюньгу, Сяо Цзюньгу... даже не знаю, что сказать. Нравится швыряться деньгами? Жалкое зрелище.

Сяо Цзюньгу усмехнулся, подхватил пиджак и встал:

— Этих денег хватит, чтобы купить твою собачью жизнь десять раз, еще и на всю твою семью останется. Не думай, что я шучу. Если не боишься, что деньги будут, а тратить их станет некому — попробуй еще раз приблизиться к Дунцзы.

Даху почувствовал страх, но ненависть взяла верх. Он крикнул вслед уходящему Сяо Цзюньгу:

— Ха! Это ты так от меня откупаешься? Скорее, пытаешься заткнуть мне рот деньгами? Боишься, что я расскажу Дунцзы, как ты тогда сбил Сяоху, верно? Ты, сукин сын, убийца!

Сяо Цзюньгу замер на месте. Он закрыл глаза, но так и не обернулся.

Глава 23: Сердцебиение (часть первая)

Получив звонок от Чжоу Ли, Чжан Вэйдун поспешно вернулся в компанию. Он толкнул дверь комнаты отдыха с раздраженным видом.

— Вызывала так срочно, в чем дело?

Чжоу Ли, не поднимая головы от кипы бумаг, равнодушно взглянула на него и бросила на край стола листок:

— Из-за коммерческих причин завтра начинаются съемки рекламы. Живо выучи текст.

Чжан Вэйдун закатил глаза, сел рядом и зачитал вслух:

— Всего за девятьсот девяносто девять юаней! Всемирно известный бренд, подвеска с рубином, оправка из двадцатичетырехкаратного белого золота, прямые продажи от производителя, только один комплект в одни руки, шанс выпадает редко, звоните прямо сейчас...

— Хватит орать, закрой рот, — оборвала его Чжоу Ли.

Чжан Вэйдун с силой швырнул текст на стол:

— Ты не можешь найти мне что-то приличное?

Чжоу Ли промолчала. Она не могла ничего решать: любую работу, за которую брался Чжан Вэйдун, кто-то другой тщательно проверял. На самом деле, вызвать его обратно было приказом того самого человека. Чжоу Ли не знала деталей, просто час назад ей позвонил Сяо Цзюньгу.

Чжан Вэйдун раздраженно постучал пальцами по столу, а спустя мгновение снова поднял листок:

— Черт, какой смысл орать на тебя, ты всего лишь наемный работник. Передай спасибо всей семье твоего босса!

Видя его плохое настроение, Чжоу Ли решила не подливать масла в огонь:

— Я ничего не слышала, можешь ругаться сколько угодно, но сегодня текст должен быть выучен. Я всего лишь наемный работник, не создавай мне проблем.

— Ругаться с ним — только тратить слюну, — Чжан Вэйдун успокоился и принялся за работу.

Чжоу Ли знала, как ему тяжело, но ничем не могла помочь. «Талант всегда пробьет себе дорогу» — в шоу-бизнесе эта фраза не работала. Слишком много человеческого фактора. Если Сяо Цзюньгу захочет продвигать Чжан Вэйдуна, тот станет звездой, даже если он — кусок ржавого железа. И наоборот.

Чжан Вэйдун потратил два часа, чтобы выучить длинный текст. Завтрашние съемки не должны были стать проблемой. Захотелось курить, и он вышел из комнаты отдыха, прошел по коридору и устроился на подоконнике у открытого окна.

В компании курить было запрещено, и его поведение вызывало косые взгляды проходящих мимо сотрудников. Чжан Вэйдуну было плевать. Он стряхивал пепел в окно и смотрел на фонтан на площади, чувствуя, как раздражение понемногу отступает.

В этот момент он услышал звуки из полуприкрытой двери. Кто-то пел быструю кантонскую песню, постоянно сбиваясь с ритма. Было ясно, что у исполнителя не хватает контроля над дыханием, и Чжан Вэйдун, даже не видя нот, слышал, как плывут финальные ноты. По голосу — молодой парень, лет до тридцати, чистый и приятный тембр, но без профессиональной подготовки.

Вскоре пение прервалось, и из комнаты послышался гневный голос другого человека:

— Что с тобой не так? Неделя прошла, а ты песню не выучил! Учитель же объяснял, почему ты постоянно фальшивишь?

Певец оправдывался:

— Простите, учитель объяснял слишком сложно, я не запомнил.

— Не запомнил? Записать не мог? Мне плевать, завтра у тебя выступление, если снова облажаешься — никто не поможет.

— Да, я понимаю, я буду стараться...

— У меня полно других новичков, я не могу возиться только с тобой, сам разбирайся.

Человек вышел из комнаты, увидел Чжан Вэйдуну, замер, но даже не поздоровался и пошел прочь. Чжан Вэйдун узнал его — один из агентов компании, недавно в индустрии, говорят, довольно высокомерный. Не повезло тому новичку с таким агентом.

Парень в комнате снова начал петь. Чжан Вэйдуну было нечего делать, он прислонился к стене и слушал, а потом покачал головой. Понятно, что тот просто зубрит ноты, и так дело не пойдет.

Чжан Вэйдун, сам не зная, зачем, решил вмешаться:

— В припеве, на восьмом такте первой фразы возьми дыхание, а со второй фразы понизь тональность и пой на задержке дыхания.

Человек в комнате замер:

— Но в нотах написано...

Он замолчал, развернул партитуру, указал на строчку припева и попробовал спеть, следуя совету. Он хотел лишь проверить, но неожиданно для самого себя легко взял высокую ноту в финале, пропев ее на одном дыхании.

Он тут же выскочил из комнаты, огляделся и увидел лишь удаляющуюся высокую фигуру. Чжан Вэйдун был уже далеко, почти у комнаты отдыха, когда его догнали и схватили за рукав.

— Простите, это вы сейчас подсказали мне, как петь?

Чжан Вэйдун опустил голову и увидел белую руку, чьи пальцы крепко сжимали его рукав. Парень понял, что ведет себя грубо, отдернул руку, но не отступил:

— Это ведь вы, да? Я выбежал и увидел только вас...

<http://bllate.org/book/20766/2083752>